

СРЕДСТВА РЕАЛИЗАЦИИ КАТЕГОРИИ ДИАЛОГИЧНОСТИ ТЕКСТА «ИСТОРИИ РОССИИ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН» С. М. СОЛОВЬЕВА

*Работа представлена кафедрой русского языка
Ставропольского государственного университета.
Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор К. Э. Штайн*

Статья посвящена средствам выражения ФССК диалогичности в тексте «Истории России с древнейших времен» С. М. Соловьева, который при кажущейся монологичности пронизан диалогическими отношениями. В частности, рассмотрен вклад стереотипных речевых формул, обеспечивающих логическую последовательность изложения, языковой рефлексии, оценочных элементов, акцентуаторов убежденности, категоричности, сомнения, вопросно-ответных комплексов.

The article deals with the means of expression of a fundamental semantic and stylistic category of interlocution in a historical narrative. A historical text seems to be monologic but actually it is impregnated with dialogical relationships. Several ways of expressing these relations are shown, including standard speech formulas that provide logical sequence in a narrative, special words that show emotional or logical evaluation and question-and-answer constructions.

Анализ особенностей организации повествования С. М. Соловьева «История России с древнейших времен» выявляет его ярко выраженную диалогичность. Функциональная семантико-стилистическая категория диалогичности письменной научной речи рассматривается как выражение в тексте средствами языка взаимодействия общающихся в коммуникативно-познавательном процессе, понимаемое как «соотношение двух смысловых позиций, как учет адресата, отраженный в речи, а также эксплицитированные в тексте признаки собственно диалога»¹.

Несмотря на внешне монологический характер, научные тексты, в том числе исторические, пронизаны диалогическими отношениями. В тексте «Истории России» С. М. Соловьева широко представлен диалог точек зрения, слышится множество голосов; текст, по М. М. Бахтину, «полифоничен», но в качестве участников диалога выступают не только ученые-оппоненты, ученые-единомышленники, собирательная фигура «историка», но и прежде всего по-

тенциальный читатель-реципиент текста. Текст диалогичен за счет своей интертекстуальности: творческая переработка предшествующего и параллельного знания воплощает диалог с его носителями. Но, кроме того, текст с содержащейся в нем информацией направлен на адресата, для которого он создается. Автор текста заботится о средствах, способствующих более адекватной интерпретации, более полному пониманию его адресатом. Текст укоренен одновременно в процессе познания и процессе общения.

Строя повествование, С. М. Соловьев постоянно ведет разговор с читателем, стремясь вызвать его интеллектуальное и эмоциональное сопереживание. На как можно более полное восприятие текста адресатом «работает» целый комплекс средств, среди которых метадискурсивные средства в форме стандартных речевых формул, обеспечивающие логическую последовательность изложения и демонстрацию ее читателю, оценочные элементы, языковая рефлексия, акцентуаторы убежденности, категорично-

сти, сомнения, вопросительные высказывания, диалогические единства, вопросно-ответные комплексы.

Непосредственное обращение к читателю, явное выделение его в качестве участника диалога является основным средством адресованности в научном тексте: «Русскому историку, представляющему свой труд во второй половине XIX века, не нужно говорить читателям о значении, пользе истории отечественной...»² В этом вступлении просматривается не только стремление автора установить контакт с читателем, но и косвенно оценивается его потенциал; понимание необходимости изучения прошлого своей страны читателем С. М. Соловьев рассматривает как нечто само собой разумеющееся.

Роль читателя как коммуникативного партнера постоянно подчеркивается стереотипным зачином «мы видели, что...», «мы видели, как...». Это наиболее частотный элемент из всех используемых С. М. Соловьевым слов-организаторов текста, метадискурсивных элементов; частота его употребления составляет десятки раз (60 раз в 1-й главе 7-го тома, 30 раз в 1-й главе 13-го тома и т. д.): «мы видели, как было принято христианство и как распространялось...»³, «мы видели, как прежние историки обозначали древнюю русскую историю»⁴. Безусловный подтекст этого выражения – «мы [с вами] видели», т. е. в данном случае местоимение «мы» объединяет автора с предполагаемым адресатом, который вовлекается в поле совместной интеллектуальной деятельности; это явно не конструкция с авторским «мы», для которой не характерно моделирование ситуации совместной деятельности автора и реципиента текста.

Исключительно важную роль в ряду средств выражения диалогичности в тексте «Истории России» занимают метадискурсивные средства, интимизирующие повествование, вовлекающие читателя в процесс «со-мышления», вызывающие к его интеллектуальному сопереживанию, демонст-

рирующие логику рассуждений автора. Среди подобных метадискурсивных операторов отметим конструкции побудительного характера «*посмотрим теперь*», «*взглянем*», «*обратимся*», «*не забудем и того*», «*вспомним*», вводные слова и выражения, отражающие логику повествования: «*как видно*», «*как бы то ни было*», «*нельзя не заметить*», «*как легко догадаться*», «*как надобно было ожидать*», «*трудно предположить*», «*трудно решить*», «*имеем право думать*», «*по всему видно*», «*легко понять*», средства выражения отношения к сказанному, как эмоциональная оценка сообщения, так и рассудочная, логическая: «*естественно*», «*вероятно*», «*странно*», «*разумеется*», «*неудивительно*», «*несомненно*», «*безусловно*», «*быть может*», «*по-видимому*», «*действительно*», «*любопытно*», «*надеюсь, ясно*».

Сигналы диалогического взаимодействия вкраплены в текст на всем его протяжении, но многие фрагменты текста буквально пронизаны связующими скрепами, которые соотносят каждое последующее предложение с предыдущим и демонстрируют читателю логику развертывания событий. Плотность таких операторов на единицу физического пространства текста очень велика, они буквально «цементируют» текстовое пространство, создавая коммуникативный рельеф текста:

«Но как скоро на севере князь сделал первую попытку установиться, сделаться властью постоянною, то, **естественно**, он прежде всего должен был столкнуться со властью старшего города. Исход столкновения **легко было предвидеть** на севере, где князь явился повелителем страны, строителем городов, где князь, **следовательно**, создал себе силу, опираясь на которую мог начать поведение, каким отличался Андрей Боголюбский. Андрей, **впрочем, как видно**, не вступал в открытую борьбу со старым городом Ростовом... **Неудивительно**, что борьба была непродолжительна; обратив внимание на положение Ростова, **трудно предположить**, чтоб этот город был силен...»⁵ (здесь

и далее выделено нами. – Н. С.); **«мы видели**, как при Святополке новгородцы настояли на том, чтобы князем у них оставался выросший в Новгороде Мстислав Владимирович. ...Молодость князя и смерть двух посадников **...как видно**, подали повод к смятением в городе **... неизвестно, впрочем**, какого рода был этот грабеж **... и потому трудно решить**, виновны ли были Ставр и бояре в насилии или только в несправедливости. **Как бы то ни было**, Мономах и Мстислав вызвали всех бояр новгородских в Киев»⁶.

Аналогичное «сканирование» еще одного фрагмента текста позволяет наглядно продемонстрировать его наполненность текстоорганизующими конструкциями, обладающими медиативной, посреднической функцией. Опустим собственно текст повествования, оставив метадискурсивные высказывания, дискурсивные маркеры, лексические повторы, вопросно-ответную конструкцию. Сегмент текста объемом две трети страницы наполнен метатекстовыми вкраплениями, обеспечивающими развертывание основного текста и активное восприятие его адресатом, т. е. способствующими диалогизации изложения. Метатекстовыми операторами отмечено пошаговое развертывание аргументации, общий ход рассуждений автора; выстраивание нарратива происходит в ходе дискурсивного мышления, что для С. М. Соловьева было историческим мышлением: **«Таким образом... неувидительно после этого... неувидительно, что... Если вникнем, ...если вникнем, ...если вникнем... то, конечно, не усомнимся, ...если нам укажут... то мы спросим, почему же?.. Ясно, что... Наконец, не забудем обратить внимание...»**⁷ Как нельзя лучше охарактеризовал качество текста и речи С. М. Соловьева его ученик В. О. Ключевский, употребив оксюморон «говорящее размышление»⁸; действительно, читатель находится в области взаимодействия двух слоев текста С. М. Соловьева – слоя нарратива (повествование) и слоя теории истории (размышление).

Среди приемов диалогизации необходимо выделить метатекстовые вкрапления, отражающие рефлексию автора по поводу языка своего текста. Любые способы объяснения понятий, терминов, заимствованных слов, географических названий и пр., заметки по поводу правильности сказанного являются проявлением заботы об адресате, облегчают восприятие информации, направляют мыслительную деятельность адресата в нужное русло. Высказывания такого рода формируют метатекстовый и рефлексивный субтекст произведения, свидетельствуя о рефлексии автора над формой выражения своих мыслей; это маркеры его речемышлительной деятельности. Ориентируя адресата в коммуникативном пространстве, автор проявляет заботу о нем как равноправном участнике процесса коммуникации; объяснительные фрагменты текста не дают возникнуть ситуации непонимания: «Роды... должны были искать силу, которая бы внесла к ним мир... должны были искать посредника в спорах беспристрастного, **одним словом, третьего судью**, а таким мог быть только князь из чужого рода»⁹. «Московский князь **скупает (отсюда название скупных князьков)** отдаленные северо-западные и северо-восточные княжества...»¹⁰; «...написали на них **мертвую грамоту, т. е. объявили осужденными на смертную казнь...**»¹¹; «первое предание об Игоре, занесенное в летопись, говорит, что древляне, примученные Олегом, не хотели платить дани новому князю, **затворились** от него, т. е. не стали пускать к себе за данью ни князя, ни мужей его»¹².

В ходе анализа текста «Истории России» обращает на себя внимание то, насколько часто автор прибегает к использованию вопросно-ответных комплексов.

М. Н. Кожина назвала вопросно-ответный комплекс «центром функциональной семантико-стилистической категории акцентности, т. е. такой функциональной семантико-стилистической системы языковых и речевых средств, которые выполня-

ют в научном тексте функцию не собственно (не столько) информативную, но используются с целью особого акцента»¹³, причем речь идет об акценте не интонационно-акустическом, а семантическом, чтобы привлечь внимание к особо значимым, концептуальным, с точки зрения автора, моментам содержания. Подчеркивая с помощью вопросно-ответного триединства концептуальность того или иного момента повествования, С. М. Соловьев побуждает читателя следить за ходом рассуждения, в ходе которого мысли и высказывания наслаиваются на систему событий. Нарратив выстраивается последовательно и по вертикали; «мысля фактами», историк ведет читателя от фактического материала к теоретическому его осмыслению.

Как средство реализации категории диалогичности, вопросительные и вопросно-ответные конструкции устанавливают и поддерживают ощущение личного контакта автора с читателем, служат драматизации изложения. Рассчитанные на эмоциональный отклик читателя, вопросно-ответные комплексы активизируют его мыслительную деятельность, помогают ему более быстро и полно понять смысл излагаемого исторического материала.

Вопросно-ответный комплекс моделирует коммуникативную ситуацию со-творчества, со-мышления. Процесс коммуникации развивается по схеме: завязка (как исходная ситуация для вопроса) – кульминация (вопрос, развивающий мысль предыдущей части) – развязка (ответ, имитирующий эффект совместного поиска). «Новорожденное Русское государство не могло не подчиниться общему закону. *Но должны ли мы здесь останавливаться на одной видимо-*

*сти, ограничиваться одним внешним, поверхностным взглядом и признать действительное разделение? Конечно, нет»*¹⁴.

*«Наконец, остается последний вопрос: какое значение имеет призвание Рюрика в нашей истории? Призвание первых князей имеет великое значение в нашей истории, есть событие всероссийское, и с него справедливо начинают русскую историю»*¹⁵.

*«Но дело не могло обойтись без борьбы. У кого учиться? У чужих, у иноземцев, а главное – у иноверцев? Пустить чужих, иноземцев, иноверных к себе и дать им высокое значение учителей, так явственно признать их превосходство, так явственно подчиниться им? Что скажут люди, имеющие в своих руках исключительное учительство? Когда Годунов предложил вопрос о необходимости вызвать из-за границы новых учителей, то старые учителя – духовенство отвечало, что нельзя, опасно для веры»*¹⁶.

Активно используемые С. М. Соловьевым вопросно-ответные комплексы предельно диалогичны, они помогают адресату увидеть нужное, стимулируют его мышление в правильном направлении, сближают адресанта и адресата в пространстве и времени; помимо этого, они, как правило, эффектно драматизируют повествование.

Гармоничное сочетание различных средств речемыслительного воздействия на адресата текста обеспечивает успешность коммуникативной стратегии автора, определяет прагматическую силу, действенность текста С. М. Соловьева; в итоге это ведет к конечной цели – как можно более полному восприятию и пониманию реципиентом текста идей, взглядов автора и, следовательно, стоящей за ними картины исторического прошлого России.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Кожина М. Н. О диалогичности письменной научной речи: Учеб. пособие по спецкурсу. Пермь, 1986. С. 36.

² Соловьев С. М. Сочинения. История России с древнейших времен. М.: Мысль, 1988–1991. Кн. I. Т. 1. С. 51.

³ Там же. С. 246.

⁴ *Соловьев С.М.* Сочинения. История России с древнейших времен. М.: Мысль, 1988. Кн. II. Т. IV. С. 637.

⁵ Там же. Кн. VII. Т. 13. С. 24.

⁶ Там же. Кн. I. Т. 2. С. 409.

⁷ Там же. Кн. I. Т. 2. С. 517.

⁸ *Ключевский В. О.* Памяти С. М. Соловьева // Литературные портреты. М.: Правда, 1991. С. 215.

⁹ *Соловьев С. М.* Указ. соч. Кн. I. Т. 1. С. 121.

¹⁰ Там же. Кн. II. Т. IV. С. 460.

¹¹ Там же. Кн. III. Т. 5. С. 39.

¹² Там же. Кн. I. Т. 1. С. 138.

¹³ *Кожина М. Н.* Указ. соч. С. 15.

¹⁴ *Соловьев С. М.* Указ. соч. Кн. VII. Т. 13. С.13.

¹⁵ Там же. Кн. I. Т. 1. С.123.

¹⁶ Там же. Кн. VII. Т. 13. С. 109.